

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ" КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Д.С. ПЕТРОСЯН,
Н.Л. ФАТКИНА

"Экономический империализм" и метатеория управления поведением человека

В статьях, опубликованных в рамках данного обсуждения [Гуриев, 2008; Олейник, 2008; Тамбовцев, 2008; Радаев, 2008], рассмотрен ряд важнейших положений экономического империализма, под которым обычно понимают попытки распространить методологию неоклассической экономической теории на изучение процессов и феноменов, традиционно относимых к ведению других областей научного знания. Причем речь идет не только о родственных социальных науках, но и о таких, казалось бы, никак не связанных с экономикой, как физика или биология. Обращаясь к интересующим нас вопросам о том, действительно ли экономический империализм – совершенно новый методологический подход, способен ли он сказать новое слово в теории познания или же перед нами просто все тот же процесс интеграции научных знаний, не менее важно выяснить, каково истинное место экономики в системе социальных наук.

Прежде всего укажем на тот факт, что интеграционная тенденция действительно проявляет себя. Она уже утвердилась на стыке нескольких социальных наук, в результате получили признание такие синтетические дисциплины, как экономическая социология, экономическая психология, экономическая кибернетика, психология менеджмента, управленческая антропология, организационное поведение и др. В последнее время появилась *управленческая экономика*, которую можно было бы рассматривать как еще одну наглядную иллюстрацию экономического империализма, если бы известные нам книги по этой проблематике не были бы построены по слишком упрощенным схемам. Авторы этих трудов рассматривают более или менее типичные экономические проблемные ситуации и, ссылаясь на некоторые положения теории управления, предлагают свои способы решения этих, по существу, "кейс-стади", вполне уместных в учебных пособиях, но не содержащих в себе принципиально нового научного знания.

Здесь нам хотелось бы попытаться противопоставить концепции "экономического империализма" идею создания *метатеории управления реальным поведением человека в социально-экономических системах*, очертив в первом приближении ее контуры.

Петросян Давид Семенович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного центра стратегических исследований и институциональных технологий Института региональных экономических исследований.

Фаткина Наталия Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова.

ры. Для разработки этой теории предстоит определить ее аксиоматику, методологию, концептуальное содержание, понятийный аппарат, предмет и структуру. Но предварительно остановимся на одном из возможных, но плохо разработанных направлений экономического империализма, связанном с попытками ряда исследователей установить взаимосвязи между двумя до сих пор разобщенными науками – фундаментальной экономической теорией и теорией управления.

Завоевания и потери экономического империализма

Термин "экономический империализм" был предложен Р. Саутером. Становление и развитие этого направления связано с работами Л. Роббинса, который еще в 1930-х гг. изучал человеческое поведение с позиции соотношения между целями и ограниченными средствами их достижения [Роббинс, 1993]. Однако пальму первенства, как основателю и идеологу этого направления отдают Г. Беккеру. Его работы посвящены применению неоклассической методологии экономического анализа для исследования целого ряда неэкономических областей: образования, семьи, расовой дискриминации, поведения преступников и борьбы с ними [Беккер, 2003].

Дж. Бьюкенен и Г. Таллок дали экономическую интерпретацию политической деятельности в рамках теории общественного выбора, подойдя к ней как к проблеме принятия политических решений и конституционного выбора [Бьюкенен, Таллок, 1997]. Т. Шульц провел экономический анализ проблем образования и демографических проблем [Schultz, 1971]. А. Алчиян и Г. Демсец использовали в междисциплинарных исследованиях основные положения теории трансакционных издержек [Alchian, Demsetz, 1973]. Э. Даунс и Д. Блэк пытались распространить экономический подход на политические исследования [Downs, 1957; Black, 1958]. Р. Фогель и С. Энгерман распространили экономический подход на исторические исследования [Fogel, Engerman, 1971]. Д. Хамермеш и Н. Сосс занимались экономическим объяснением явлений суицида [Hamermesh, Soss, 1974].

Р. Познеру принадлежит идея применить экономическую теорию права к интерпретации юридических феноменов на основе критериев оптимизации выбора рациональных решений [Познер, 2004]. Дж. Стиглер разработал новую теорию экономического регулирования, интерпретирующую государственную экономическую политику как результат взаимодействия на политическом рынке между политиками, лоббистами и избирателями [Stigler, 1975]. Дж. Хиршлейфер выдвинул идею распространения методов экономической науки в биологии [Hirshleifer, 1977], а Дж. Акерлоф предложил "психо-социо-антропо-экономику" [Akerlof, 1984].

Все перечисленные выше и многие другие работы по этой проблематике (общий обзор применения экономического подхода в других областях научного знания см. <http://www.economicus.ru>) представляют собой не что иное, как яркие примеры классического процесса синтеза и конвергенции научного знания. Самое простое объяснение этого явления мы находим у С. Гуриева, заметившего, что "экономический империализм" возник естественным образом из-за неудовлетворенности самих экономистов состоянием экономической науки, поэтому они обратились к другим наукам, стремясь обнаружить там новые предметы своих исследований [Гуриев, 2008, с. 136]. По мнению В. Радаева, в длительном процессе профессионализации и размежевания экономических и социальных наук произошло довольно радикальное обособление подходов этих наук от объекта, которым они занимаются. Экономический империализм – это своеобразный поиск путей сближения, в то же время систематические попытки экспансии экономической теории в смежные области, изучаемые социальными науками, служат косвенным проявлением внутреннего кризиса самой экономической теории [Радаев, 2008].

Ему вторит Е. Балацкий, заявивший, что к концу XX в. экономике стало не хватать собственного предмета исследования. Вероятно, это говорит о своеобразном конце экономической науки, либо о постигшем ее временном кризисе. Во всяком случае, это

свидетельствует об исчерпании собственных, "внутренних" ресурсов ее развития, экономисты, как пишет Балацкий, стали "заползать" в чужие сферы, работать "на подхвате", стараясь вовремя уловить интересные идеи в других науках и "переварить" их с помощью своего экономического инструментария [Балацкий].

Однако, на наш взгляд, экономический империализм следует расценивать как проявление общей закономерности развития научного знания, подчиненного гегелевской триаде "тезис–антитезис–синтезис". Обратим внимание на следующее обстоятельство: в публикациях по тематике, относящейся к экономическому империализму, пока слабо затрагивалась фундаментальная по своей значимости проблема органической взаимосвязи всех родственных по своему содержанию социальных наук – экономики, правоведения, социологии, психологии, политологии, антропологии, культурологии, этики, теории организации и теории управления социально-экономическими системами. Тут уместно вспомнить известный афоризм Ф. Бэкона: "Все науки – ветви одного дерева". Действительно, социальные науки имеют, в сущности, общий объект исследований – человека и его поведение в социальных системах. Пытаясь расшифровать гегелевскую триаду, историки научной мысли много внимания уделяют фундаментальным процессам дифференциации и интеграции научных знаний, надеясь проложить новые пути человеческого познания.

Вероятно, французский естествоиспытатель и философ А.-М. Ампер был первым, кто замыслил построить науку о науке, – идея, получившая развитие только в XX в. Занимаясь по примеру Бэкона всеобщей классификацией человеческих знаний, Ампер утверждал, что это помогает рассматривать изучаемые объекты "под разными углами и открывать новые отношения, без того, быть может, незаметные" (цит. по [Поваров, 1977, с. 7]).

Правда, при знакомстве с работами по экономическому империализму возникает сомнение в том, что прямое использование экономического подхода в социальных и других науках дало в итоге много интересных и практически полезных результатов. К сожалению, несмотря на все затраченные усилия, ученым так и не удалось создать фундаментальную научную теорию управления поведением экономических агентов, в которой так нуждается практика хозяйствования. Экономисты в поисках нового предмета своих исследований в смежных областях социальных и даже естественно-научных дисциплин, таких как биология, физика, экология и др., решают с помощью экономических методов моделирования и анализа некоторые частные вопросы, но за пределами их исследований так и остается не разрешенной системная проблема человека и его поведения в социально-экономических системах.

В общем процессе конвергенции научного знания не только экономика предлагает свои подходы и методы всем остальным наукам, интенсивно идет и противоположный процесс проникновения в область чисто экономической науки других научных дисциплин. Например, в отечественной экономической науке утвердилось такое направление, как экономическая социология. В ряду ее видных представителей стоят такие ученые, как Т. Заславская, Р. Рывкина, О. Шкаратан, В. Радаев, которые своими работами доказали плодотворность привлечения методов социологии к анализу целого ряда экономических проблем.

Можно привести много интересных примеров плодотворного альянса социологии и экономики, но почему-то никто не говорит о социологическом, а тем более о психологическом империализме, а ведь психологи распространили свое влияние на маркетинг и рекламу, на дизайн и техническую эстетику, на военное и инженерное дело, да и вообще нет ни одной области исследования человеческой жизнедеятельности, где бы мы не обнаружили представителей психологической науки. Они давно дифференцировались по различным отраслям знания и помогли вызвать к жизни целый ряд синтетических дисциплин, таких как теория социотехнических систем, психология управления, имиджелогия, ортобиотика, управленческая гуманитарология. Особенно бурно в последние годы развивается экономическая психология, начало которой положил более ста лет тому назад Г. Тард своей книгой, вышедшей под тем же названием.

Практика хозяйствования убедительно доказала, что неподдающиеся прямому учету обстоятельства, казалось бы, весьма далекие от чисто экономических проблем, во многих случаях становятся решающими. Понятно, что учесть и ввести в локальные модели экономической деятельности все эти латентные факторы принципиально невозможно. Об ограниченности таких локальных моделей, отображающих зависимости только между немногими значимыми параметрами, польский обозреватель З. Федецкий точно сказал: "Вместо действительности – надуманные жизненные схемы, как модели-протезы, их исследуют, ищут в них ответы, но поиски пульса в любом протезе – безрезультатны" [Федецкий, 1988, с. 196].

Действительно, известные модели социально-экономических систем способны описать зависимости только между весьма ограниченным числом переменных. Так, А. Олейник цитирует В. Автономова, который считает, что "чем меньше факторов принимается в рассмотрение, тем более определенный теоретический результат (объяснение или прогноз) можно получить" (цит. по [Олейник, 2008, с. 148]).

Сторонники этой точки зрения не принимают во внимание тот факт, что на самом деле число релевантных любой хозяйственной ситуации экономических и фоновых факторов превышает все возможности их учета. Этот факт давно подтвержден в теории организации и отвечает таким фундаментальным принципам системных исследований, как многомодельность, многопараметричность и хаотическая сложность. Б. Селигмен упрекнул экономистов в том, что они игнорируют многоаспектность экономических феноменов: «В своем стремлении быть по возможности "научными" экономисты игнорируют принцип сложности бытия. Превратив экономическую теорию в науку в себе, они забыли, что это социальная наука, что экономист должен быть философом, психологом, антропологом, историком, географом, правоведом, так же как и математиком» [Селигмен, 1968, с. 532].

Такой известный экономист, как Дж. Стиглер, имел смелость заявить, что все экономические теории представляют собой либо априорные утопии, либо апостериорные интерпретации. Ему вторит науковед П. Бак, заявляя, что традиционная экономика – это не реальная наука, а абстрактная: "...это дисциплина, где речь идет об идеальных рынках, идеальной рациональности и идеальном равновесии. Такой подход является гротескным приближением, которое не может объяснить поведение экономики реального мира... Традиционная экономика не имеет описания этого явления" (цит. по [Хорган, 2001, с. 332]).

Но при этом справедливости ради заметим, что отраслевая и корпоративная экономики накопили большой опыт по решению инженерных задач, связанных с проектированием и управлением экономическими объектами. В это же время фундаментальная экономическая теория, которая многими рассматривается как рациональное экономическое знание, является результатом "системной интеграции различных теорий и направлений экономической мысли, которые сегодня разъединены и конкурируют друг с другом". Результат рациональной реконструкции – это упорядоченная целостная совокупность научно строгих фундаментальных и прикладных теорий экономики, которая может рассматриваться как рациональная экономическая наука (<http://www.reco.ru/edu/ecoknowledge>).

О том же говорит Б. Генкин: "...в литературе 80–90-х годов все настойчивее звучат призывы к системному анализу общества с учетом взаимосвязей экономических, этических, экологических, политических и других факторов". Он показал, что с позиции системного анализа были осуществлены попытки создать "этическую экономику", экологическую экономику, социоэкономику, экономику с человеческим лицом, философию хозяйства [Генкин, 2002, с. 2].

Достоинство всех известных нам работ представителей экономического империализма состоит в том, что они *существенно обогатили как методологию науковедения, так и специфические методологии*, присущие самым различным областям научного знания. Это позволило ввести экономические критерии и оценки в научные дисциплины, ранее далекие от экономики. В то же время слабая сторона экономического

империализма заключается в том, что никому еще так и не удалось, используя экономические методы, создать практически полезную прикладную синтетическую дисциплину типа астрофизики, биофизики, биохимии и др. Более того, вне внимания специалистов остается то, что составляет сердцевину нашей метатеории – управление поведением экономических агентов в социально-экономических системах. С этой целью необходимо преодолеть существующий разрыв между экономикой и управлением.

Попытки синтеза экономической и управленческой наук

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что ставшие классическими публикации в области экономического империализма и иные научные труды по чисто экономическим проблемам проходят мимо капитальной проблемы сближения и методологического синтеза экономической науки, и теории управления. Этот вопрос имеет давнюю историю. Ортодоксально настроенные экономисты считают (разумеется, без особых на то оснований), что экономика получила статус "науки об управлении", когда в 1615 г. во Франции вышел в свет "Трактат политической экономии" А. Монкретьена. Поэтому, с их точки зрения, специалисты по теории управления – просто самозванцы, плохо знающие экономику, а их модели не заслуживают внимания. Со своей стороны, теоретики управления убеждены: все экономические законы и построенные на них абстрактные модели настолько заражены редукционизмом, что не принесут никакой пользы экономистам-практикам.

Попытки преодолеть существующий разрыв между экономической и управленческой науками неоднократно предпринимались, но они не увенчались успехом. Интуитивно ясно, что отсутствие тесных контактов между экономикой и управлением существенно тормозит развитие и той и другой науки. Часто приходится слышать категорические заявления многих ученых, что экономическая наука – и есть теория управления экономическими объектами. В то же время некоторые специалисты по теории менеджмента утверждают, что теория управления, о каком бы направлении или школе ни шла речь, – это прикладная эмпирическая дисциплина, ни достигшая высокого уровня фундаментальной науки. Большинство теоретиков менеджмента весьма низкого мнения о возможностях экономической теории. Они обосновывают свое мнение ссылками на бесчисленные экономические модели, пораженные методологическим редукционизмом, поскольку, как было сказано, в них находят отражение каузальные зависимости всего лишь нескольких параметров, что весьма далеко от реальности, поскольку все это противоречит системным принципам исследования недетерминированных социально-экономических систем [Фаткин, 2002].

Некоторые оппозиционно настроенные экономисты склонны объяснять трудности с наведением мостов между фундаментальной экономической наукой и практикой управления тем обстоятельством, что все самые мощные теории, вскрывающие сложнейшие причинно-следственные связи и природу тончайших экономических эффектов, в хозяйственной жизни никогда и нигде не находили практического применения из-за их повышенной научной сложности [Балацкий, с. 7]. Дело, конечно, не в "научной сложности" теорий и экономических моделей, а в том, что они реальности не отражают. Все реальные экономические объекты сами по себе настолько сложны, что описать обычными аналитическими средствами зависимости между всеми релевантными переменными, действующими в недетерминированных системах, не представляется возможным. Таким образом, предстоит ликвидировать разрыв не только между экономикой и управлением, но и между теорией и практикой хозяйствования.

Заметим, что расхождение теории и практики можно объяснить тем, что разного рода законы и теоремы (и даже те, что названы по именам лауреатов Нобелевской премии по экономике), которые описывают характер причинно-следственных связей между какими-либо экономическими качественными параметрами, либо просто сопровождаются оговоркой об их действии лишь при некоторых ограничениях (*ceteris paribus*, то есть при прочих равных условиях), либо эта оговорка подразумевается. Но

такого в хозяйственной жизни общества никогда не бывает. Бесчисленное множество релевантных факторов, да еще непрерывно изменяющихся, делают любую проблемную ситуацию в управлении экономическими объектами уникальной. Собственно, все хозяйственные ситуации уникальны просто потому, что уникальны по своей психологической натуре все участвующие в них люди, а их реакции на все события нельзя предсказать с достаточной уверенностью.

Специалистов по управлению не покидает надежда, что требуемую им систему знаний о законах поведения хозяйствующих организаций дадут им экономисты. А пока им приходится строить свои научные концепции, скрупулезно анализируя и обобщая практику деятельности фирм, добившихся успеха, и собственный опыт управленческого консультирования.

Пытаясь поправить положение, некоторые экономисты взяли на себя труд заполнить обнаруженную брешь между экономической наукой и теорией управления. Укажем, в частности, на изданные в последние годы книги под названием "Экономика для менеджеров" [Майталь, 1996], "Экономика для бизнеса и менеджмента" [Гриффитс, Уолл, 2007] и "Управленческая экономика" [Байе, 1999; Сиво, 2000; Кит, Янг, 2008]. К сожалению, их авторам так и не удалось решить задачу синтеза экономики и управления. В частности, К.К. Сиво исходит из того положения, что управленческая экономика – всего лишь такое направление экономических исследований, которое помогает сократить разрыв между экономической теорией и хозяйственной практикой. С теорией управления ее сближает общий метод принятия решений по оптимальному распределению ресурсов [Сиво, 2000]. Но выработка управленческих решений по оптимальному распределению ресурсов – лишь частный случай математической теории принятия решений в условиях риска и неопределенности. Все остальные разделы базовой и стратегической теории управления остаются за порогом теоретической концепции Сиво.

Во всех указанных работах в основном излагаются традиционные положения экономики фирмы и менеджмента организации, но ничего не говорится о том, как фундаментальные законы экономики приспособить к решению практических проблем управления производством. К сожалению, органичной состыковки экономических и управленческих аспектов в во всем остальном интересной работе Сиво, как и в других, известных нам, так и не получилось.

Для российской практики возможны такие ситуации, когда предприятие при наличии совершенно неудовлетворительного, если судить по научным канонам, менеджмента, экономически процветает и, наоборот, фирма, обладающая высококвалифицированными менеджерами и оснащенная современными информационными технологиями, вдруг оказывается на грани банкротства. Все это говорит о возможном влиянии каких-то не учтенных, но существенных факторов, причем не обязательно экономического или управленческого характера. Действительно, правы те, кто говорят о господстве в России квазирыночной экономики. Их мнение подтверждается преобладающими неценовыми методами конкуренции, всепобедами бюрократического аппарата, коррумпированностью чиновников, отсутствием независимой правовой ветви власти, подчинением законодательной власти исполнительным административным органам в Центре и на местах, сращиванием крупного олигархического капитала с политическими правящими структурами и пр. (см. [Кузьминов, 1999]). В таких условиях экономические и управленческие результаты не только не находятся в прямой взаимозависимости, но и противоречат друг другу.

В [Фаткин, Фаткина, 2002, с. 37] предлагается новая парадигма управленческого мышления, базирующаяся на идеях экономической психологии, софтизации менеджмента, акмеологии и руководства организационным поведением как исполнительского искусства. Чтобы включить в рассмотрение нематериальные активы хозяйственной деятельности (а к ним относят все, что входит в общее понятие "человеческий капитал"), нужно обладать знаниями о психосоциальной природе человека и законах его поведения. С целью интеграции экономической науки и теории управления следует прибегнуть к так называемому *индетерминистическому подходу*. Его основополож-

ник И. Пригожин предложил концепцию индетерминизма и хаосложности, применимую ко всем формам человеческой деятельности [Пригожин, Стенгерс, 2003]. Все хозяйственные организации при этом рассматриваются как сложные активные недетерминированные самоорганизующиеся и самообучающиеся системы, которые отличаются такими имманентными свойствами, как многомерность параметров, стохастичность, нестационарность, многообразие, сложность строения и сложность языка описания, многоцелевая направленность поведения, инерционность, нелинейность, стохастичность [Русинов, Никулин, Фаткин, 1996]. В соответствии с данным подходом, люди – атомарные элементы социально-экономической системы, обладающие свободой выбора, то есть способные самостоятельно ставить и преследовать личные цели, достигая их всеми возможными средствами.

Согласно системному принципу многообразности или многоаспектности, как его формулирует Г. Минцберг [Минцберг, Альстренд, Лэмпел, 2000], невозможно получить представление о поведении сложной и недетерминированной системы, оставаясь в узких рамках какой-либо одной теории. Чтобы полностью описать строение и поведение недетерминированной системы, а именно таковы по своей природе все объекты исследования в экономике и управлении, приходится прибегать одновременно к нескольким подходам, каждый из которых позволяет получить локальную модель, то есть дать описание одной из граней, сторон, особенностей поведения и строения системы.

В своем развитии некоторые школы управления подошли к пониманию необходимости интегрировать в рамках обобщающей теории эти локальные модели. Здесь следует исходить из того, что хозяйственная жизнь и ее структуры, институты и нормы образуют единую предметную область научного знания и практики хозяйствования. Следовательно, необходима обобщающая синтетическая теория, предметом которой будет управление поведением субъектов экономической деятельности. Приступая к построению такой теории, следует иметь в виду, что, согласно современным взглядам, экономика и управление относятся к числу социальных наук, поэтому в них должны органически сочетаться научные методы исследования и приемы искусства. Это положение должно быть возведено в методологический принцип интегративной теории управления поведением человека в социально-экономических системах.

Интегративная метатеория управления поведением человека в социально-экономических системах

Ортодоксальные экономисты резко протестуют против субъективно-психологического подхода к решению экономических проблем. Попытки выдавать экономику за социальную науку они называют вульгарной формой экономики. Особенно острой критике подвергаются представители исторической школы и "субъективно-психологической школы" [Селигмен, 1968, с. 7].

В. Тамбовцев, обсуждая особенности экономического подхода к проблематике социальных наук, рассмотрел сущность принципа методологического индивидуализма. По своему смысловому содержанию он очень близок к "психологизму", когда поведение социально-экономической системы объясняется индивидуальными действиями людей, элементами которой они являются. Методологическому индивидуализму противопоставляется методологический холизм. Согласно этому принципу, динамика социально-экономической системы не зависит от поведения индивидов, которая определяется только характером системы [Тамбовцев, 2008].

Вместе с тем ряд ученых, прежде всего С. Московичи, глубоко изучив детерминацию социального, экономического и психологического в человеческой жизнедеятельности, вполне убедительно доказывают, что при анализе человеческой деятельности и общества социальное, в том числе и экономическое, можно отделить от психического лишь в абстракции. Психическое лежит в основе образования общественных структур, организаций, социальных институтов, субъектов экономической деятельности. Поэтому закономерности поведения человека следует, согласно Московичи, закладывать в основание всех социальных наук [Московичи, 1998, с. 7].

Можно привести и другие доводы в пользу глубокой взаимосвязи психологии, экономической и управленческой наук. Так, Р. Акофф и Ф. Эмери утверждают, что поведение сложной недетерминированной системы (а таковы все объекты в экономике) нельзя полностью понять, адекватно описать и предсказать, если не известны законы поведения отдельных ее автономных элементов, обладающих свойством целеполагания [Акофф, Эмери, 1974].

Таким образом, когда речь заходит о конвергенции социальных наук с конечной целью построения метатеории управления поведением человека в социально-экономических системах, возникает вопрос, какую из известных моделей человека следует избрать в качестве исходной. Анализ литературы, посвященной исследованию человеческой деятельности в социально-экономической системе, приводит к выводу: все известные классические социальные науки и их синтетические гибриды страдают тем, что все они основаны на так называемых локальных моделях человека и его поведения. Самые известные из них – модели экономического человека (*homo economicus*), человека работающего (*homo faber*), человека социологического (*homo sociologicus*), человека институционального (*homo institutius*), человека событийного (*homo eventus*) и др. (см. [Петросян, 2008]).

Нетрудно показать, что эти локальные модели не подходят для полноценной характеристики поведения экономического агента. В соответствии с системным принципом многомоделности [Фаткин, 2002] человек, выступающий в роли экономического агента, одновременно наделен свойствами всех перечисленных моделей, каждая из которых по сути своей отображает лишь одну из граней личности человека. Даже в своей совокупности эти модели составляют небольшую часть того, что в реальности представляет собой индивид. Поэтому одна из важных проблем экономической теории – построение *интегративной модели поведения экономического агента в условиях действия социально-экономических институтов*. Интересующая нас интегративная модель поведения экономического агента включает в себя рациональные и иррациональные начала человеческого поведения [Петросян, 2008].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что с помощью современных представлений о человеке и его поведении появляется возможность конституировать предметную область социальных наук. Следовательно, именно психосоциальные закономерности поведения человека и групповой динамики могут послужить методологической основой соединения всех социальных наук с целью построения ***метатеории управления поведением человека в социально-экономических системах***.

В работах по так называемой метаэкономике [Генкин, 2002; Тамбовцев, 1998; Гродский, 2003] по-разному определяются предмет метод и содержание этой научной дисциплины. Так, Тамбовцев под *метаэкономикой* понимает "науку, изучающую закономерности роста и развития знаний об экономике и имеющую своим предметом *деятельность* отдельных ученых, их групп и всего научного сообщества по получению этих знаний" [Тамбовцев, 1998, с. 5]. Можно согласиться с автором в том, что предложенное им определение метаэкономики шире, чем обычная трактовка термина метаэкономики как науки о науке, поскольку в обычном словоупотреблении экономическая наука изучает хозяйственные объекты, их устройство и происходящие в них процессы, а метаэкономика – взаимодействие теории с ее объектом. В ее рамках исследуются "в первую очередь такие вопросы, как... адекватность методов получения информации природе объекта этой теории и... адекватность применяемых методов объяснения и предсказания структуре теории" [Тамбовцев, 1998, с. 5–6]. В принципе, по нашему мнению, предложенная Тамбовцевым метаэкономика, по существу, есть просто методология экономической науки.

Другие авторы определяют метаэкономику как раздел теоретической экономической науки, связанный с изучением экономических процессов на стыке экономики и политологии, права, социологии, психологии, других общественных наук. В центре ее внимания, по их мнению, находится исследование проблем взаимосвязи между характером владения ресурсами общества и способами их распределения, политические ас-

пекты процедуры принятия решений по экономическим вопросам, анализ политики как бизнеса (<http://www.sre.mnogosmenka.ru>). В Современном экономическом словаре под метаэкономикой понимается расширительное представление об экономике, включающее в нее всю социальную и природную среду [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2007]. Несмотря на некоторые терминологические различия, все определения понятия "метаэкономика" так или иначе подчеркивают абстрактный характер этой теории. На практике же управление всеми сторонами человеческой жизнедеятельности нуждается в научно-прикладной теории управления организационным поведением, роль которой сможет исполнить интегративная метатеория управления поведением человека в социально-экономических системах.

Следует иметь в виду, что термин "метатеория" употребляется в двух значениях. Во-первых, как теория, описывающая строение какой-либо научной теории, во-вторых, как более высокий уровень обобщения и синтеза конвергирующих научных дисциплин. Очертим структуру интегративной метатеории управления поведением человека в социально-экономических системах.

1. **Аксиоматика, или исходные предпосылки**, метатеории должны быть построены с учетом всего многообразия реальных свойств социально-экономической системы и поведения человека как экономического агента [Петросян, 2008].

2. **Исходные целевые установки** новой парадигмы предполагают, что приоритет перед обычными количественными макроэкономическими показателями, параметрами государственного бюджета и технико-экономическими показателями, используемыми на микроуровне, получают качественные показатели функционирования и развития социально-экономической системы. Например, для национальной экономики предлагается такая характеристика, как "качество жизни", включая демографические характеристики, удовлетворенность населения условиями жизни, социальную справедливость в экономических отношениях, доступность образования и здравоохранения, безопасность людей, нравственное состояние общества, и др.

Цели общественного развития должны быть согласованы с условиями их осуществимости, среди которых не последнее место занимают факторы, обуславливающие пределы экономического роста. Отсюда вытекает требование обеспечить органическое единство целей социального и экономического развития.

Здесь нужно сделать необходимую оговорку: многие авторитетные ученые указывают на опасность *безответственного управления* поведением людей. Особенно ярко социальные и философские последствия "социальной инженерии" обрисованы в романах-антиутопиях О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Е. Замятина. Антиномия манипуляции и актуализации разрешается правильным выбором цели и средств общественного развития. При этом следует исходить из известного тезиса: *развитие человека есть одновременно и высшая цель, и условие, и главное средство проведения в жизнь социально-экономических преобразований*. Что касается управления поведением экономических агентов в социально-экономических системах, то здесь используются принципы *ассертивного управления*, включающего все способы психологической защиты от манипуляций.

3. **Методология познания** должна опираться на принципы системных исследований и диалектический метод эпистемологии, очищенный от политической идеологии [Клейнер, 2007; Фаткин, 2002]. Современная методология системных исследований позволяет преодолеть ограниченность столь широко распространенных сейчас в социальных науках, в том числе в экономике и теории управления, локальных моделей человека и его поведения. Следует также учитывать, что сознание и воля человека способны не только отражать мир, но и активно преобразовывать его по законам природы и общества. Мультидисциплинарный подход к познанию социально-экономических явлений должен уступить место междисциплинарному, который открывает дорогу к синтезу локальных моделей. Отсюда следует, что практические методы хозяйствования должны быть подчинены требованиям единства социальных, экономических и этических факторов. Это означает необходимость, во-первых, добиться согласования требований экономической эффективности и социальной справедливости в управле-

нии поведением человека в социально-экономической системе и, во-вторых, увязать принципы и методы управления с реальными условиями их применения.

4. **Принципы организации и управления поведением человека** должны быть органично соединены с принципами организации и управления экономическими объектами. Среди них – новый принцип взаимной адаптации человека и социально-экономической системы. Понятно, что система и люди должны развиваться одновременно, чтобы в идеале достигнуть некоторого гармоничного соответствия. Иными словами, система должна совершенствовать людей, а люди – систему [Петросян, 1993, с. 13].

5. **Концептуальное содержание** метатеории предполагает углубленное изучение строения и закономерностей совместной деятельности людей с учетом законов групповой динамики. Что касается поиска адекватного критерия оптимизации, то таким критерием может служить максимизация оценки согласованности того, в какой степени удовлетворяются общественные, коллективные и личные потребности.

6. В науковедении показано, что на самых первых этапах создания любой метатеории следует позаботиться об адекватном **понятийном аппарате**. Метатеория берет на себя методологическую функцию *транслятора* языков тех теорий, которые закладываются в теоретическое ядро интегрируемой метатеории.

7. Наконец, несколько слов о **цели, предметах, методах и структуре** метатеории как научной дисциплины. Целью является исследование закономерностей поведения человека в социально-экономических системах различного масштаба, от нано- до мегауровня, под воздействием социально-экономических институтов. Предметом – интегративные модели управления индивидуальным и групповым поведением экономических агентов. Структура новой научной дисциплины должна быть построена таким образом, чтобы ее разделы соответствовали *функциям управления поведением человека* в социально-экономических системах.

Итак, чтобы создать метатеорию управления поведением человека в социально-экономических системах, необходимо решить целый ряд методологических по своему характеру задач, среди которых одной из важных является разработка метаязыка, объединяющего понятийные аппараты конвергируемых областей научного знания. Следующий этап становления метатеории в ее прикладном аспекте – это разработка технологий управления поведением людей в социально-экономических системах. В развитие идеи системной парадигмы, предложенной Г. Клейнером [Клейнер, 2007], потребуются создать не только новый категориальный аппарат и новую типологию социально-экономических систем, но и научно обосновать общую концепцию человеческой жизнедеятельности на базе интегративной метатеории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974.
Байе М.Р. Управленческая экономика и стратегия синтеза. М., 1999.
Балацкий Е.В. Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/BALA.HTM>.
Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003.
Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной экономики // Бьюкенен Дж. Соч. М., 1997.
Генкин Б.М. Введение в метаэкономику и основания экономических наук. М., 2002.
Гриффиثс А., Уолл С. Экономика для бизнеса и менеджмента. М., 2007.
Гродский В.С. Метаэкономика: сравнительный анализ и синтез главных теорий. Самара, 2003.
Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
Кит П., Янг Ф. Управленческая экономика: инструментарий руководителя. СПб., 2008.
Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2, 3.
Кузьминов Я.И. Тезисы о коррупции. М., 1999.
Майталь Ш. Экономика для менеджеров: десять важных инструментов для руководителей. М., 1996.

- Минцберг Г., Альстренд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. СПб., 2000.
- Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
- Олейник А.Н. Расширенная версия теоремы Коуза и пределы экономического империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
- Петросян Д.С. Интегративная модель поведения человека // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
- Петросян Д.С. Основы теории управления социально-экономическими институтами // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 2.
- Петросян Д.С. Теория современного менеджмента. М., 1993.
- Поваров Г.Н. Ампер и кибернетика. М., 1977.
- Познер Р. Экономический анализ права. В 2 т. М., 2004.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003.
- Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2007.
- Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS 1993. Т. 1. Вып. 1.
- Русинов Ф.М., Никулин Л.Ф., Фаткин Л.В. Менеджмент и самоменеджмент в системе рыночных отношений. М., 1996.
- Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
- Сио К.К. Управленческая экономика: текст, задачи и краткие примеры. М., 2000.
- Тамбовцев В.Л. Исследования по метаэкономике. М., 1998.
- Тамбовцев В.Л. Перспективы экономического империализма // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Фаткин Л.В. Парадоксы менеджмента. М., 2002.
- Фаткин Л.В., Фаткина Н.Л. Современный менеджмент: проблемы развития // Менеджмент: направление развития. Круглый стол. М., 2002.
- Федецкий З. Предварительные итоги литературного года // Дружба народов. 1988. № 1.
- Хорган Дж. Конец науки. СПб., 2001.
- Akerlof G. An Economic Theorist's Book of Tales: Essays that Entertain the Consequences of New Assumptions in Economic Theory. Cambridge-New York, 1984.
- Alchian A.A., Demsetz H. The Property Rights Paradigm // Journal of Economic History. 1973. Vol. 33. № 1.
- Black D. The Rationale of Group Decision-Making // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 56. № 1.
- Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.
- Fogel R.W., Engerman S.L. The Economic of Slavery // The Reinterpretation of American Economic History. New York, 1971.
- Hamermesh D.S., Soss N.M. An Economic Theory of Suicide // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. № 1.
- Hirshleifer J. Economics from a Biological Viewpoint // Journal Law & Economics. 1977. Vol. 20. № 1.
- Schultz T. Investments in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York, 1971.
- Stigler G. The Citizen and the State: Essays on Regulation. Chicago, 1975.

© Д. Петросян, Н. Фаткина, 2009

Сдано в набор 20.10.2008	Подписано к печати 05.12.2008	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 14,3	Усл.кр.-отт. 16,4 тыс.
	Тираж 1122 экз.	Уч.-изд.л. 18,5
		Бум.л. 5,5
		Зак. 806

Свидетельство о регистрации № 0110134 от 04.02.1993 г.
 Министерство печати и информации Российской Федерации
 Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
 Издатель – Академиздатцентр "Наука", Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
 Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
 Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099